

Юрий НИКИТИН

Как стать писателем

«ЭКСМО»

2004

Никитин Ю. А.

Как стать писателем / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2004

Это книга не только одного из самых успешных в коммерческом плане авторов, т. е. наиболее издаваемого в жанре фантастики: годовые тиражи – по миллиону, но и, что не менее важно, книга человека, у которого за плечами лекции Литинститута, многолетнее общение с мастерами прозы и – опыт, опыт, опыт, знание секретных приемов писателей, позволяющих добиваться ошеломляющего успеха! Ему есть, что передать молодым авторам. И он – передает. В этой книге!

© Никитин Ю. А., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Предисловие	5
Ломка мировоззрения? (все еще предисловие)	6
Очень смелое утверждение? Ничего подобного, реальность нашего времени	8
Повторы? Склероз?.. Или такой вот литературный прием?	10
Манера подачи материала	11
Да и вообще...	12
И еще вдогонку...	13
Писатели – тоже люди. И тоже ходят по бабам	14
Каковы обязанности писателя на самом деле?	15
Кликающий человек	16
Об усвояемости правил	17
Интернет и писатели в нем	18
Последняя надежда ленивой твари	20
Часть 1	22
Один из бесспорнейших плюсов выбора пути писателя	23
Еще об особенностях профессии	24
Порядок слов в русском языке	25
И еще один важный плюс! Очень важный	26
Когда это началось...	27
Сегодняшний мир книгоиздания...	28
Горькая истина... Работать, увы, надо!	30
Отступление по технике языка	32
Чего ждет каждый автор, так сказать, по дядюшке Фрейду...	33
Необходимость массовости профессии	34
А давайте прямо и честно...	35
Иное время, иные песни...	36
Вы – создатели виртуальных реальностей!	37
«Ну сколько, сколько же все-таки книг писать?»	38
Почему говорю правду именно я, а остальные брешут?	39
Собака лает, но караван должен идти	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Юрий НИКИТИН

КАК СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ

Предисловие

В этой книге расскажу вещи достаточно очевидные для меня, профессионального писателя, но которые вот уже который год вызывают раздраженный вой у большинства людей, считающих себя литературной элитой. И от всех слышу это озлобленное: сволочь, не выдавай секреты! Это же сколько придурков ломанется в писательство! Нас же в такой массе перестанут замечать!!!

Как ни печально, но в литературной среде братством и не пахнет. Это инженеру по фигу или почти по фигу, сколько еще инженеров будет, для всех работа найдется, а в литературе, как и в спорте, чемпион только один! И хотя одни фаны считают чемпионом одного, а другие – другого, но все же имен называется не сотни, даже не десятки, не так ли?

Потому в этом виде спорта конкуренция, как нигде, жестокая и кровавая. Она не ограничивается лишь распусканием порочащих слухов, это уже внутриклановая борьба, но все борющиеся друг с другом стараются с завидным единодушием не допускать в свои ряды новых, молодых. При советской власти эти принимало форму недопущения молодых в Союз писателей, а сейчас, потеряв такой рычаг, можно напирать на другой: ребята, да пишите, как вам душа подсказывает! Этому не надо учиться, не надо знать никакие приемы: просто пишите! Что хотите и как хотите. Если есть талант, то у вас все получится. Если нет, ну тогда дело другое...

Потому я, которому вы уже не соперники (ну хотя бы по возрасту), говорю вам грустную правду: учителя и родители, которые говорят вам неприятные вещи, что, мол, надо учиться, качать мышцы и вообще трудиться, – желают вам добра, а те «добрые люди», что говорят доброжелательно: да плюнь на учебу, на эти тренажеры, пойдешь попить пивка да по бабам, – просто стараются убрать конкурента. Сами они и учатся, и мышцы качают, но вам в этом не признаются.

Что лежит в основе заявлений, что писать научиться невозможно? Давайте только честно, а?.. Во-первых, это уязвленное самолюбие авторов. Ведь до этого доказывали дурам, что обладают неким даром, которого у других нет. Избранные, так сказать. И вдруг признаться, что это всего лишь наработанное упорным трудом умение?.. Второе – это подсознательная жажда замордованного серой жизнью простого человека верить, что существует и другой мир, необыкновенный: где говорящая щука, скатерть-самобранка, телепатия, ясновидение, тибетские маги, Бермудский треугольник, хилеры, деревья-людоеды, божественный дар слагать стихи... И что такое может обломиться и ему. Главное, без трудов обломиться! Вот пошел ловить рыбу, а там говорящая щука: отпусти, Емеля, что хошь сделаю... Желание писать без труда и обучения – это оттуда, из этой жажды. Мол, хоть что-то же должно обломиться за так?

Учителя и родители, которые говорят вам неприятные вещи, что, мол, надо учиться, качать мышцы и вообще трудиться, – желают вам добра, а те «добрые люди», что говорят доброжелательно: да плюнь на учебу, на эти тренажеры, пойдешь попить пивка да по бабам, – просто стараются убрать конкурента.

Ломка мировоззрения? (все еще предисловие)

К сожалению, такой дисциплины, о которой вот сейчас веду речь, еще нет. Не существует. Так что блип-книга получилась бы блиповой в любом случае, материал все равно пойдет кусками: нет трудолюбивого крота, который все бы систематизировал и выстроил в длинную занудную лекцию, а есть набор коротких и четких правил, как пройти путь от нуля до чемпиона. Правил, написанных опытным тренером.

И, давайте уж без лишней скромности, тренер этот – то есть я! – взялся не из академических кругов, а прошел длинный путь от абсолютного новичка в литературе до чемпиона. Ладно, до одного из чемпионов. Эти правила взяты не с потолка, а выработаны в результате сорокалетней работы над текстами, рассмотрены у коллег, услышаны на лекциях по литературному мастерству на Высших литературных курсах.

К счастью, литература – не математика, где нельзя приступать к изучению нового материала, пока не усвоишь предыдущий. В литературе можно брать полезные знания кусками, как из справочника или энциклопедии. И, конечно, я буду делиться опытом. Вообще, творчество, казалось бы, все от Бога, а я тут... Но я заявлял и заявляю, что писать может каждый, стать писателем может всякий!

Сейчас же и монополия государства на издания рухнула, и печатать стало легче: компы вместо ручки с чернильницей, современные фотонаборные машины вместо старинных «а-ля ленинская «Искра» – раздолье! В писательство ринулись многие. Одни с жадой заработать, другие в поисках славы, третьи с намерением осчастливить человечество, четвертые... Есть и пятые, и сотые, всех не перечесть.

Немаловажно и то, что все те, кто жаловался при советской власти, что их зажимают и не печатают, при свободе печати оказались, так сказать, экспонированными... и куда-то тихо-тихо исчезли. Более того, даже те, которых печатали, но которые постоянно пускали среди поклонников слухов, что самое лучшее эти краснопузые гады печатать не дают, оказались раскрыты и тоже тихонько ушли. Наверное, в коммерцию...

К удивлению простого читателя, на Олимпе вместо ожидаемой давки и треска ребер оказалось пусто, как в ограбленной Трое после раскопок Шлимана! Приходи и садись на литературный трон! В то же время полки магазинов и лотки при столь благоприятных условиях для творчества завалены ну такой шушерой, что лучше бы подержал в руках толстую старую жабу. Что случилось, почему такая катастрофа? Где масса прекрасных книг?

Знают только профессионалы. Секрет прост – писать надо уметь. При любой власти дважды два равняется четырем, а «собака» пишется через «о».

Долгие годы профессия поэта или писателя окружалась тайной. Насаждалась мысль, что это от Бога, дар небес, особое состояние души, и прочий вздор, которым, однако, очень хорошо морочить голову восторженным дурам. Да и сами люди к этому готовы. Нам всем хочется чего-то необычного! Всегда с растопыренными, как у коров, ушами и челюстями до пола слушаем о ясновидении, телепатии, НЛЮ, Бермудском треугольнике, Несси, снежном человеке, деревьях-людоедах, творческом озарении... А писательская братия охотно морочила голову не одно тысячелетие.

Причины просты: получить от царей подарки – избранники небес! – похвастаться перед восторженными почитателями, ну и, конечно же, не допустить наплыва конкурентов. Да и ситуация благоприятствовала: один грамотный на сто квадратно-гнездовых верст, отсутствие Гуттенберга... Да что там Гуттенберг! В начале века какой процент населения России умел читать хотя бы по складам? Но вот сейчас... Читать умеет всяк, а значитца, и писать.

Кажется, глупо так думать? Да, на первый взгляд. Мол, никто из нас не в состоянии своими руками построить, скажем, автомобиль. Это ясно каждому. Но написать роман вроде бы может каждый...

На самом деле нет никакого «вроде бы». Действительно, рассказ, повесть, роман – может написать каждый. Другое дело, можно ли его будет читать, но это уже за кадром. В каждом живет ощущение, что он может.

И он действительно может!

Если пройдет обучение.

Писать литературные произведения может каждый. Писать грамотно может каждый... грамотный. Писать так, чтобы печатали, читали и восторгались, – тоже каждый, кто над этим поработает.

Очень смелое утверждение? Ничего подобного, реальность нашего времени

Но все же, несмотря на обилие нарисованных пегасов и толстых баб с крыльями, что венчают венками из лаврового листа удостоенных божественного озарения гениев, утверждал и утверждаю: научить писать хорошие книги можно каждого. Еще проще – бестселлеры, которые приносят немалые деньги.

Это не голословно: по собранным мной еще тогда литприемам несколько моих друзей, не помышлявшие стать писателями, все же из интереса попробовали, стали публиковаться, трое стали членами Союза писателей СССР. Кто знает, что такое быть принятым и заполучить заветную красную книжицу члена СП СССР, так тогда назывался Союз писателей, а совсем не совместное предприятие, тот поймет, какими привилегиями стали пользоваться эти экспериментаторы! И к каким архивам, спецхранилищам их допустили! Но главное – к Книжной лавке писателей...

Да, научить писать можно любого. Каждого! Как любого можно сделать мастером спорта, научить играть на скрипке или рояле. Конечно, не все мастера спорта – чемпионы или рекордсмены, не все скрипачи – Паганини, но ведь и не все писатели... э-э... Шекспир? Но на прилавках их книги, многие авторы получают огромные гонорары. Наши, отечественные свои гонорары держат в тайне, что в связи с нашей налоговой политикой понятно, но, к примеру, за каждый свой роман Стивен Кинг получает около десяти миллионов долларов, а ведь и он понимает, что не Толстой, не Толстой и даже не Шекспир.

Мы как раз поговорим о том, что нужно, чтобы стать просто писателем-профессионалом. То есть человеком, который пишет и издает книги, на гонорары от которых способен прокормиться. Как для чемпиона в любом виде спорта сперва надо стать мастером спорта... а сказки о новичках, устанавливающих мировые рекорды, оставим детям, так и для того, чтобы встать на уровень Шекспира, Толстого и прочих, сперва надо овладеть хотя бы простейшими приемами воздействия на читателя.

Кто-то остановится на этом уровне: деньги, бабы, слава, – но кто-то захочет пойти дальше. Ни в коем случае не стоит умалять значение этой армии «мастеров спорта»! Литература, как и спорт, как наука, преподавание и прочее, – не держится на двух-трех вершинных именах. Писателей, как ученых или музыкантов, нужны тысячи. И каждый сеет «разумное, доброе, вечное» в меру своих сил и способностей. Не каждый читатель способен усвоить сложные истины в изложении Толстого или Достоевского. Но зато сможет к ним приобщиться в наивном пересказе Пети Васькина.

Итак, начинаем с нуля. Да, я начал собирать эти литературные приемы давненько, чтобы объяснить друзьям, что это такое же ремесло, как и у них, инженеров. Собирал и пропагандировал. А потом, уже будучи членом Союза писателей СССР, лауреатом украинских премий, когда сел за парту на элитных Высших литературных курсах, потрясенно узнал, что изобретаю велосипед. Приемы литвоздействия уже, оказывается, существуют! Общие для всех. Базовые. Отличия стилей, методов и прочего начинаются на самом пике, шпиле, когда писатель в самом деле приобретает оригинальность, свое лицо. Но каждый из пишущих все-таки изобретает этот базовый велосипед сам, расходуя на черную работу драгоценные годы, а потом трусливо таит накопленное, чтобы не подсмотрели, не увидели, не воспользовались на халяву, он же кровью и выбитыми зубами...

А вот когда станете мастерами, тогда и начнется борьба гроссмейстеров!.. До мастеров я вас доведу... по крайней мере, могу довести тех, кто этого хочет. Кто желает изобретать велосипед – не осуждаю, но и мешать не буду. Эта книга для тех, кто готов учиться на чужих ошибках... чтобы свои ошибки делать уже на уровне гроссмейстера, где вам ни я, ни кто дру-

гой не поможет. Но и не помешает. Зато именно тогда вы обретете настоящую мощь... мощь литературных магов!

Приемы литвоздействия уже, оказывается, существуют! Общие для всех. Базовые. Но каждый из пишущих все-таки изобретает этот базовый велосипед сам, расходуя на черную работу драгоценные годы!

Повторы? Склероз?.. Или такой вот литературный прием?

Отвечаю сразу: не столько литературный, сколько педагогический. Да, в этой книге есть не прямые повторы, более того – их немало. Но не от маразма или старческого склероза, в конце концов, если самому невмочь, нетрудно было бы поручить выловить их редактору. Этого не сделано, потому что у вас в руках не роман, а учебник. В учебниках и задания на дом, и материалы для повторения, и в конце каждой четверти еще раз излагается для запоминания – самое важное, квинтэссенция, так сказать.

Я не случайно повторю, к примеру, что закончил ВЛК, это не для хвастовства, у меня есть чем похвастать и покруче, а потому что основные аргументы моих противников, как против моего творчества, так и против этой книги, сводятся к тому, что какой-нибудь сопливец отыскивает в моей книге какую-нибудь шероховатость и на этом основании начинает размахивать отрывком, обвиняя Никитина в... неграмотности!

Возможно, сработало то, что я о своем прошлом литейщика говорил часто и гордо. И о том, какой у меня объем мускулов. Но что за плечами лекции Литературного института, его семинары, что все-таки закончил двухгодичные Высшие литературные курсы – те самые двухгодичные, куда по конкурсу только из числа самых-самых талантливых молодых писателей... об этом никогда никому не говорил. Так вот на этих ВЛК, в кругу сильнейших, мои вещи седоголовыми профессорами, знатоками языка, ставились в пример виртуозности, отточенности и богатства стиля, все это легко проверяемо: живы и сокурсники, и препода. Да, повторяю, четверть века тому на семинарах ВЛК я был сильнейшим. Этого я раньше не говорил. Возможно, зря. Это сразу бы умерило пыл некоторых критиков с заметно техническим образованием.

Но сейчас как раз тот важный момент (и редкий:-)), когда говорю очень серьезно. Ребята, насчет накачанного литейщика с одной извилиной в башке – это я сам с великим удовольствием запустил в литературные массы. Мне нравился такой, как сейчас сказали бы, шокирующий имидж. Да и щас ндравится. Люблю дразнить гусей и дураков, ну вот аддикция у меня к этому малопочтенному занятию. Просто стыдно у человека моего возраста и положения:-). И пусть тот гусь, кому это помогает жить, свысока говорит о Никитине как о литейщике и дальше. Но вам этот мышчастый образ пусть не помешает серьезно читать книгу и – особенно! – те рекомендации, как улучшить произведения. Это вам говорит уже не литейщик, точно:-).

Повторяю, у меня специальное профессиональное образование, если кому-то это важно, я закончил именно то единственное на весь огромный СССР заведение, где оттачивался не только язык, но и умение писать, а это уже другое, качественно высшее, дальше по ходу поймете, о чем речь. Так что о своем образовании я сказать вынужден потому лишь, чтобы знали: я знаю предмет, о котором говорю. Да плюс я общался со многими-многими писателями, которые тоже переросли планку «чистоты языка и стиля», знаю их приемы, которые здесь выложу вам.

Так что, помимо специального образования, я еще и сам писать умею.

Кстати, по теме небольшую цитату из великого Гельвеция:

«Гений похож на те обширные земли, где встречаются места, мало ухоженные и плохо обработанные: на столь большом пространстве нельзя все тщательно обработать. Только люди небольшого ума присматривают за всем: маленький садик легче держать в порядке».

Манера подачи материала

Я подумывал, как расположить материал в книге, чтобы поудобнее: то ли по важности, то ли по удобности пользователя, то ли по принципу от простого к сложному. Увы, все чревато боком, это не математика, где нужно обязательно усвоить четыре правила арифметики, потом простейшую алгебру, затем интегралы... В литературе никто и никогда не идет от начала произведения к концу, проделывая всю работу и никогда не возвращаясь, чтобы поправить, подтесать, заменить, переставить, убрать, затушевать, усилить, добавить метафор, сравнений и пр., пр.

Более того, чаще всего автор уже публикуется, у него есть читатели, но он все еще не созрел для восприятия некоторых сложных истин: как именно сделать свою вещь ярче, значимее, а любое произведение, как это кощунственно ни звучит, можно сделать сильнее буквально на порядок. Это обычный путь, все нормально, автор растет постепенно, от книги к книге. Постепенно узнает и учится применять все больше изобразительных средств.

Вот потому и материал в этой книге расположен достаточно свободно. Так, чтобы можно заглядывать в середину, возвращаться к началу, снова и снова перечитывать какие-то моменты, а то, что кажется бесспорным, пропускать, бегло проглядев один раз по диагонали. Именно так любой автор работает и с собственным художественным произведением, подтесывая то в середине, то в конце, то просматривая концовки глав, чтобы сделать их поярче, ибо **КОНЦОВКИ ГЛАВ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОТБОРНЫМИ**.

По крайней мере, над ними надо работать более тщательно. Считайте, что это уже начало обучения, так что, пожалуйста, лучше всего выписывайте такие ключевые правила на отдельный листок.

Я когда-то, открыв для себя тот или иной способ улучшения текста, просто писал крупными буквами на обоях над столом, где стояла моя пишущая машинка. Когда женился, пришлось писать на бумажке и прищипливать аккуратно кнопкой.

Все дело в том, что автор увлекается, прет, как танк, не замечая, что свой текст дорисовывает воображением, но читающий не сможет заглядывать к нему в мозг, ему нужно все это рисовать буквами.

А чтобы делать текст именно для читателя, как мы и делаем, как бы ни трындели, что пишем «для себя», надо соблюдать правила, правила, правила воздействия на читающего!

В свое время Честертон, автор замечательных приключений патера Брауна, мудро заметил: речь нуждается в захватывающем начале и убедительной концовке. Задачей хорошего оратора является максимальное сближение этих двух вещей.

Это же в полной мере применимо и к литературе.

Итак, первое по тексту этой книги, но не по значимости:

Концовки глав надо отделять особенно тщательно.

Это типа напоминания, что вся соль анекдота в последней фразе, потому если в середине еще можно что-то промямлить, то концовка должна быть четкой, хлесткой, без единого лишнего слова!

Да и вообще...

Я никогда не читал лекции, потому не скован никакими правилами и привычками, а другие, как вы понимаете, мне не указ, я ведь писатель, а мы все такие, выбираем дороги нетореные. Да и глупо пытаться делать книгу в таком же ключе, как делали в прошлом веке, допотопном, двадцатом, был такой, крепостной век, крымско-троянская война...

Сейчас сознание у нас блиповое, что значит быстрее усваиваем, хватаем на лету, нам не требуется длинные нити идей, мы все имеем дело с образами новой культуры: короткими сообщениями, заголовками новостей, гиперссылками, объявлениями, коллажами, клипами.

Все это не укладывается в старые формы, но зато позволяет чувствовать себя свободнее в таком мире.

Потому и эта книга – книга-блип. Она тоже чаще всего из небольших сообщений, которые набирались в течение ряда лет, я не стал их подгонять под какой-то шаблон двадцатого века, все-таки уже в двадцать первом, вода отжата, так что прошу!

И еще вдогонку...

...книга писалась несколько лет, так что, если какой-то вопрос поднимается неоднократно, это не промах автора или редактора.

Дело в том, что многие явления, к примеру отношение к чистоте, вычитке, устранению сорнячков в языке, – вопрос очень неоднозначный. Вроде бы и надо добиваться вот такой уж гладкости, чтобы ни камешка на дороге, ни сорнячка, но в то же время, как заметил по опыту, как своему, так и коллег, стремление к чистописанию вредит не только замыслу и глобальному воплощению, но даже самой ткани произведения.

Потому в одном месте указываю, как именно бороться с ошибками, добиваться правильности речи, в другом – не увлекаться, не подменять живую ткань стерильным чистописанием. Противоречий в этом нет, как может показаться, ибо хотя все сорняки и сырые места надо убирать из текста нещадно, однако, как уже почти сказал, стремление к чистописанию может погубить произведение.

То же самое относится и к ряду других моментов, которые я из-за их значимости поднимаю в этой книге по два-три раза, поворачивая их то одним боком, то другим. И добавляя доводы.

Насчет языка еще: современники сетовали, что Байрон в каждой строчке делал по три ошибки, пунктуацией не занимался вообще – тире ставил вместо запятых, точек, двоеточий, точек с запятыми, и просил друзей исправлять, причем в таких выражениях: «Отточте, пожалуйста, эту вещь, ради меня». Ну и хрестоматийное о Вольтере: «Вы знаете, у Вольтера всегда очень много орфографических ошибок!» – «Тем хуже для орфографии».

Здесь, конечно, немало бравады и перехлеста, все-таки и Байрон и Вольтер знали орфографию, без этого больших писателей не бывает, она приходит автоматически в процессе длительной работы, но ясно говорит, как великие относятся к мелочам, в том числе и к абсолютной правильности расстановки слов.

Грандиозности Байрона или Вольтера невылизанная ткань их работ вовсе не умаляет, как не придают величия автору чисто вылизанные тексты Василия Пупыркина.

Писатели – тоже люди. И тоже ходят по бабам

И, конечно же, брешут о своей работе. Не так грубо, как грузчики, что прикидываются перед бабами мастерами или прорабами, а то и менеджерами строек, у писателей она гораздо тоньше и красивше, но все-таки суть одна и та же:-).

Любая поэтизация своей профессии хороша до известной степени. Очень часто она переходит в откровенную брехню о достоинствах своих работ. Писатели грешат этим едва ли не больше всех, ну вы знаете о всех этих божественных вдохновениях, зове души, музе, крылатом Пегасе и прочей хрени. А так как сама профессия писателя – создавать миры, то вот и создали о себе, своей профессии красивую и потрясную легенду, в которую охотно верят лохи, суеверные старушки и халявщики.

Ну, чего стоит вот такое красивое изречение Берне: «Чтобы написать хорошую книгу, нужно взять только перо, обмакнуть его в чернила и выложить свою душу на бумагу». Ах-ах, как красиво! Ну прям вот уже слезки закапали от прилива больших чуйств и умиления. Как все, оказываеца, просто: даже грамоте не надо учиться, только взять перо, обмакнуть в чернила (выбрасываем сорняк «его») и выложить свою душу (нет, «свою» тоже выбрасываем, сорняк).

Тем более не надо учиться писательскому мастерству!

Однако не зря Джонсон предостерегает: «То, что написано без усилий, читается, как правило, без удовольствия». Душу же, как вы понимаете, не придется выкладывать с усилием, она сама выложится, прям-таки выльется, извергнется, как... ну, сами понимаете, что из нас извергается, водопад эмоций, в общем.

То, что написано без усилий, читается, как правило, без удовольствия.

Каковы обязанности писателя на самом деле?

Немалая часть этих блипов родилась под влиянием дискуссий, споров или как ответы на те или иные вопросы, поднятые в Корчме. Вот только что забрел очередной... это слово опустим... и это поскипаем... словом, гомо, который весьма своеобразно понимает слоган, что писатель вроде бы должен, просто обязан выражать чаяния общества, т.е. читателей.

Вот он и требует, чтобы я удовлетворял его запросики. Ну, вроде как официант, который откликается на все запросы с угодливым: чего изволите? Можно бы отмахнуться, как обычно делаю, но на этот раз в Корчму слишком уж большой наплыв идиотов, какое-то сезонное обострение, оригинально мыслящего поддержали почти большинством, так что надо ответить, надо. Конюшни уже нет, где таких раньше секли, так что надо... ответить.

Мягкий в выражениях Лихтенберг сказал в свое время: «Мне всегда нравится больше человек, который пишет так, что это может стать модой, чем тот, который пишет так, как того требует мода». Сейчас время не мягкое, стиль жизни тоже, а о выражениях лучше промолчу, сами подберете словечко, которым можно назвать такого человека.

Да, писатель вполне может быть официантом, как может быть... ну, кем угодно. Но все-таки на «золотой полке» остались те, кто не подстраивался под «запросы и чаяния». Кто опережал, опережал намного, кто не просто опережал, а видел дальше, увиденному либо радовался, либо ужасался, призывал ускорить шаг или свернуть в сторону, обойти или же собраться с духом и...

Мне нравится то, что сказал первый премьер-министр Израиля, отец и основатель государства, Моше Даяну: «Я не знаю, чего хочет народ, но знаю, что полезно для него». И он никогда не шел на уступки, никогда не подлаживался под требования и пожелания народа. Это же самое мог бы сказать дядюшка Сталин или Гитлер, я с той же легкостью процитировал бы их: на меня, как на Писателя, не распространяются законы политкорректности или хрен знает чего еще. Если сказано хорошо и правильно, писатель должен цитировать любую мудрую мысль. Потому что эта гребаная политкорректность может научить только чистописанию, а писатель должен парить над вкусами, обычаями, политикой, экономикой, сегодняшней моралью, ибо завтра она может быть уже другой... мы, кстати, ее как раз и создаем своими работами.

Писатель должен писать без оглядки на тупое стадо, чем на самом деле является большинство читающих, лишь процентов десять от общего числа усваивают ваши мудрые мысли, вообще понимают, остальным же дайте побольше выстрелов, изнасилований, погонь, колдунов, рыцарских турниров, эльфов с остроконечными ушами и «хорошо сбалансированные мечи»...

Запомните: вы не официанты! Вы даже не артисты, которые исполняют концерт по заявкам, а на бис выходят, раскланиваются и снова поют то, что больше всего понравилось залу.

Вы рождены быть вождями. Ну а кем станете – вопрос другой.

Кликающий человек

У вас у всех в руках бывает пульт дистанционного управления телевизором, так что сразу поняли, что я имею в виду, не так ли? Кликающий человек – это тот, у кого в руке такой вот пульт, символ власти в семье.

Дело не в том, что каждый из нас, ощутив в руке этот волшебный жезл, начинает нажимать на кнопки, вызывает к реальности один мир, через пару секунд отправляет его в небытие, снова кликает, смотрит еще пару секунд, кликает дальше... Удержаться трудно, сами знаете. Дело в том, что современный человек уже неспособен воспринимать длинные сложные мысли, его сознание... да что там влиять вокруг да около, ваше сознание уже настроено на короткие, но достаточно яркие фрагменты информации.

Окружающий нас мир затоплен лавиной новой информации, потому выхватывает только, так сказать, заголовки. Вернее, всобачивает все самое важное в эти заголовки. Мы это видим и по текстам новостных сайтов, и по бегущей строке на экране жвачника, и вообще все наше восприятие мира настроено на его фрагментарность.

Потому и расположение текста в этой книге такое же фрагментарное. Постмодернизм, так пусть постмодернизм, как ни обзови, но главное, чтобы текст лучше воспринимался и лучше запомнился. Я не поверю, что в старые добрые времена Тургенева или Достоевского тексты умели располагать лучше, все-таки с тех времен чему-то да научились.

Осваивая наследие Толстого, Достоевского и вообще классиков, не забывайте, что мир стремительно меняется. Вы должны писать уже иначе...

Об усвояемости правил

Есть хорошая классификация смены взглядов: «5 лет: мама все знает!», «12 лет: мама не все знает!», «16 лет: мама ничего не знает!», «30 лет: эх, надо было слушать маму...» Это к тому, что некоторые вещи доказывать бесполезно. Нужно, чтобы человек созрел до понимания.

А тогда и доказывать будет не нужно: сам поймет. Ну разве что сумеете убедить на месяц раньше, но только потому, что будет готов, чтобы его поле засеяли новыми семенами.

То есть если какие-то положения в этой книге кажутся неверными, глупыми и вообще абсурдными, то не тратьте силы на опровержения – просто примите ту часть, что принимается без протеста. Пройдут годы, в организме произойдут всякие там изменения и... примется еще какая-то часть.

Пройдет еще линька-другая, и станет понятно и остальное. Этот учебник рассчитан на все уровни, но если в математике сразу видно, какую главу еще рано: там значки непонятные, то в литературе создается иллюзия понятности всего материала, потому любая непонятность маскируется под: «автор – козел, что за чушь несет?»

Ничего страшного, берите то, что берется.

Автор этих строк тоже прошел весь путь, так что знает, что вам предстоит.

Интернет и писатели в нем

Да, все эти годы, столетия и даже тысячелетия писатели были отделены от общества, в отличие от певцов, актеров или цирковых клоунов. Отделены в том смысле, что общались со своей аудиторией только через книги. Их в отличие от артиста или футболиста не узнавали на улице и не бегали с просьбой об автографе.

Как мы уже видим по истерическим интервью, многие из пишущих страстно жаждут показать себя наяву, рассказать о себе, о своих привычках, своем меню, какой бумажкой пользуется в туалете. Словом, не могут остановиться, просто захлебываются от словоизвержения, какая уж тут литература, когда я вот он, смотрите на меня, слушайте меня, умницу и красавца!

И тут пришел Интернет... Правда, сперва был ФИДО, но его опустим, там и народу было поменьше, и правила строже, зато Интернет позволил развернуться всем: и писателям, и критикам, и читателям. Уже давно не секрет, что авторы в Интернете присутствуют практически на всех литературных форумах. Не все пишут постоянно, но все бдительно следят за новостями, бывают на форумах, влезают в дискуссии, правда, очень редко под своими именами, затевают новые споры, интригуют, распространяют слухи, информируют о вот-вот выходящих книгах, жадно вылавливают любое упоминание о себе, самом замечательном и талантливом.

Интернет дал автору уникальную возможность моментально получать обратный отклик от тех, для кого пишет. Если раньше надо было ждать после выхода книги месяцы, прежде чем появится первая рецензия (на мою первую книгу «Человек, изменивший мир», 1973 г., рецензия появилась через год!), – то теперь отклики появляются в Сети буквально на другой день после того, как книга поступила в продажу. А то и в тот же день, если читающий успел проглотить текст и сесть к компьютеру.

Более того, отношение читающих можно узнать заранее, если выложить книгу в Сеть, так сказать, для бета-тестирования, а уже потом, собрав все отзывы, подумать наедине с собой, что принять, а что отбросить, и уже исправленную и дополненную сдавать для издания на бумаге. Конечно, девяносто процентов откликов – это вопли тинейджеров типа «рулез» или «масдай», в этом возрасте середины еще не видят, но и они ценны, все-таки автор видит, как примут и бумажную версию, еще не поздно скорректировать! Ведь на самом деле не важно, какая у этих ребятшек глубина аргументации: для вас, автора, куда важнее, какое впечатление произвела ваша книга, не так ли?

Но есть и минусы общения в Интернете для писателя: возможности кажутся настолько необъятными, что он сутками не вылезает из паутины, рекламирует себя, свои книги, инициирует дискуссии о себе, своем творчестве, старается подать себя лучше, чем он есть на самом деле, а, заметим, Интернет дает широчайшие возможности: ведь видим только текст, в котором писатель изначально сильнее читателей, никто не видит его пьяную харю с близко посаженными глазками, прыщ на губе, чирей на лбу, засаленный ворот нестираной рубашки, даже не слышит пьяный голос...

Но опять же, напомним старожилам Интернета, как упорно и долго раскручивали себя ловкие ребята, написавшие одну-две книги и старавшиеся на них въехать в рай. Не получилось. И не получится. Всему виной тот же открытый доступ к книгам в магазинах, когда любой сперва прочтет несколько абзацев в разных местах книги, а потом решает: купить или поставить обратно, а в Сети так и еще проще: открыл файл, посмотрел, почитал, вынес вердикт.

Так что не увлекайтесь, не увлекайтесь. Очень скоро в процессе общения понимаете, что вопросы и суждения повторяются, ничего нового о своих книгах уже не услышите, достаточно точное отношение к своим книгам вы уже уяснили. И если хотите что-то услышать иное, то сперва надо написать это принципиально иное, а не очередное продолжение или же новую

книгу о Борьбе Светлых Богов с Темными Богами и очередном расколе мира, где избранный сирота явится и спасет Вселенную.

Верно подметил критик Вадим Нестеров, что понятия «сетевой автор» и «графоман» стали почти идентичны. Это не так, конечно, но в сознании большинства, увы, отложилось, что если помещаешь свои вещи в Сети, то лишь потому, что в издательства не берут. Потому будьте все-таки с сетевыми публикациями осторожны. И хотя вроде бы вы – законодатель, но, чтобы переломить быстро складывающееся читательское мнение, нужно выпускать действительно очень сильную книгу, чтобы не говорили: «А, все-таки сумел пробить в печать ту лабуду, что уже год болтается в Инете...»

Возможности Интернета – это и возможности автора. Но они же и добавочные опасности.

Последняя надежда ленивой твари

Кстати, почему такое дикое неприятие того, что писателю тоже надо учиться писать? Почему такое единодушие в рядах тех, кто уверяет, что «это от Бога», от вдохновения, озарения и пр., пр.? Кроме того, можно подметить, что в лагере тех, кто уверяет, что писательству научиться невозможно, что писателями рождаются, настоящих писателей-профессионалов не так уж и много! Ведь те прекрасно понимают, что они учились, учились упорно, и если и говорят, что писательскому ремеслу научиться невозможно, то это лишь тактический ход, чтобы сбить соперника на ложные тропки. Словом, такая странная точка зрения на литературный труд в обществе держится упорно. Так же, как вера в UFO, Бермудский треугольник, Шамбалу и деревья-людоеды. Хотя нет, о деревьях-людоедах уже молчат, но вот про писательский труд, которому учиться необязательно, все еще говорят.

Но загадки нет. Это последний вздох, последняя надежда загнанной ленивой твари, что все еще надеется на халяву. Везде ей обрубают крылья, никаких говорящих щук и золотых рыбок не оказалось, родители заставляют учиться, а власти – служить или работать, однако учиться, а потом еще и горбатиться ну прямо до свинячьего писка не хочется!

А вот писательство все еще манит халявой: без образования и упорного труда в один скачок взять сразу и бабки, и славу, и баб-с, и все такое. Каждый из этих емель размахивает козырным тузом, что, мол, из Литинститута ни одного сильного писателя не вышло. А все успешные писатели чуть ли не из зоны и с двумя классами образования.

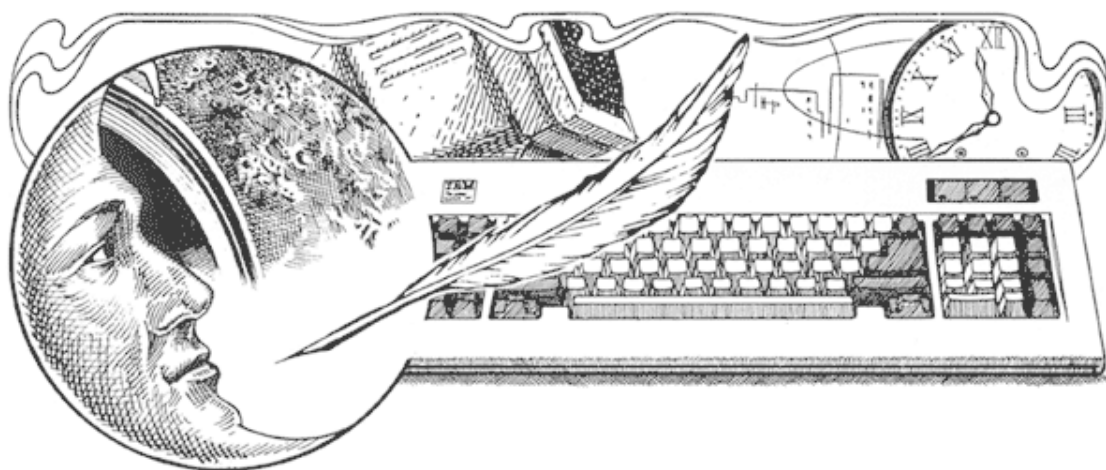
Это сродни мечтам, даже не мечтам, а грезам выиграть в лото миллион или на мусорке отыскать лампу Аладдина. Потому с этими людьми спорить бесполезно, это спор логики и фактов с верой, а вера, как вы знаете, на логику и факты кладет. Но вовсе не слова на музыку. Человек с сокрушенной верой – уже не человек, а нечто сломленное, погибающее в этом сером мире.

Потому оставим тех людей со своими иллюзиями. Как и всяких верующих. Пусть для них существуют динозавры в лесах Амазонки, люди-телепаты, говорящие щуки и писательское ремесло, которое приходит само, без учебы.

А это книга для тех, кто мужественно, хоть и с грустью сознает, что нет в этом мире говорящих щук, золотой рыбки, лампы Аладдина, а есть удача, на которую надеются и желают друг другу слабые да ленивые, и еще есть успех, которого добиваются умные, сильные, талантливые. Удача, скорее всего, не придет, слишком много ждущих, она почти так же вероятна, как и говорящая щука, зато успех придет обязательно, если работать и работать.

И тем не менее приходится со стыдом за докладчика наблюдать, как на различных курсах, семинарах и лекциях по писательству докладчик всегда долго извивается, рассказывая очевидную для самого себя дурь, но не для слушателей, что он-де вовсе не собирается учить писать, упаси боже, это же святая святых, нельзя туда с линейкой и прочей алгеброй, он только чуть-чуть сообщит о разных способах писательства... ну, как это делали другие писатели. Это, конечно же, ни в коем случае не обязывает их пользоваться этими приемами, упаси боже, но это можно знать в качестве, так сказать, полезной информации...

Представьте себе, что желающему научиться играть на рояле сказали бы, что учить его не будут, упаси боже, это же вмешательство в святая святых, он же и сам не слепой, видит, какие клавиши белые, а какие черные, а ему лишь расскажут, как вдохновенно творил великий Моцарт!

Часть 1

В этой части не ждите, что сразу начну объяснять, как поэффектнее закрутить метафору, как лучше пользоваться сравнениями или в каком порядке выстраивать слова для большего эффекта. Это слесарю можно вот так с ходу, профессору математики или президенту страны, у них профессии попроще, но мы имеем дело с литературой, там все намного сложнее, без вводного курса не обойтись. Да вы и сами увидите, почему не обойтись.

Один из бесспорнейших плюсов выбора пути писателя

Чтобы не забыть, скажу сразу: у вас есть преимущество перед всеми остальными профессиями мира еще в самом начале старта. Особенно важное для людей закомплексованных, зажатых, просто застенчивых или, скажем, непробивных. Да, это чуть ли не единственная профессия в мире, где абсолютно непробивной человек может пробиться. С легкостью! Даже с первой попытки... гм, ну, с первой вообще-то проблематично, но ведь никто не узнает, какая она по счету, а приятелям можно сказать, что с первого ходу – сразу в дамки.

Да что там далеко ходить за примером, вот я, собственной персоной, вот такой крутой и лихой на этих страницах, но абсолютно непробивной в жизни. Потому и при советской власти не печатали, ибо тогда важнее было пробиваться в печать, договариваясь с редактором, чем хорошо писать, и потому именно сейчас печатают меня, а не тех бойких ребят, что так хорошо умели устраиваться при советской власти. Имен не называю, вы их знаете, большинство из них достаточно громкие в те времена, но сейчас эти герои ходят очень тихие, носят рукописи, но их не берут из-за явной слабости.

Наше преимущество, преимущество непробивных, в том, что, если хорошо напишете, за вашей рукописью издатели к вам приедут сами. Главный редактор примчится и договор привезет. И будет уговаривать печататься именно у них, расхваливать свое издательство и будет приговаривать: «Если чем-то недовольны, сразу скажите, тут же исправим...» Секрет нашей профессии в том, что хорошая книга пробивается сама. Вы сидите дома, а она пробивается, ломает стены, сокрушает преграды, завоевывает награды, звания, медали, гонорары, баб-с, как же без них:-).

Для этого вам надо всего лишь писать. Можно писать втихую, если побаиваетесь, что знакомые будут смеяться, мы к этому очень уж чувствительные, а потом периодически посылайте в издательство. Лучше всего емэйлом, так проще, к тому же в этом полная анонимность, друзья и собутыльники ничего не будут знать до тех пор, пока не въедете во двор на собственном тюнинговом «Бентли».

Книга, сказал Карл Вебер, которая не стоит того, чтобы читать ее дважды, не стоит и того, чтобы читать ее один раз, и потому я счастлив, когда читатели засыпают емэйлами: ну когда же ваша следующая? Все ваши книги я прочел по три-четыре раза!

А Дюма-младший сказал вдогонку: произведение, которое читают, имеет настоящее; произведение, которое перечитывают, имеет будущее.

Хорошо сказал Вольтер: «Весь мир, за исключением только диких наций, управляется книгами», а Буаст добавил: «Если вы желаете себе несокрушимого памятника, вложите свою душу в хорошую книгу». Прекрасно, стоит только убрать сорняки: «вы», «себе», «свою».

Это, значитца, потихоньку и вроде бы незаметно начинаем работу со словом :-).

У вас есть очень неплохие шансы войти в бессмертие!

Никто не узнает, сколько раз вам отказали, сколько раз настучали по рогам и посоветовали лучше пойти убирать мусор или мыть пивные кружки в баре. Зато потом, когда рукопись принята...

Еще об особенностях профессии

Здесь уместна аналогия со спортом. Там тоже надо ходить и пробиваться, пока вы рядник или кандидат в мастера. Но вот вы пришли, никому не известный и никому не нужный, в спортивный зал и там запросто подняли рекордный вес! И – все. Больше вам делать и объяснять ничего не надо. Вокруг вас сразу же забегают. Засуетятся. Вам принесут и кресло поудобнее, и заслуженный тренер сам прибежит, и менеджер с кипой договоров.

Насчет непробивности я, возможно, сгустил краски. Думаю, она есть и у меня, и у вас, но прибегать к ней прибегаем, когда уж совсем чувствуем свою беспомощность. Я, во всяком случае, никогда к ней не прибегал, потому что за меня пробиваются мои книги. Чтобы начинать давать интервью, встречаться на конференциях и пиарить себя во все щели – это прежде всего надо признать, что уже достигнут потолок, уже иду по наклонной вниз и потому из всех сил стараюсь удержаться хоть на какой-то высоте, чтобы замедлить сползание в неизвестность, нечитаемость...

Что, сгустил краски? А посмотрите на тех, кто усиленно выступал на читательских конференциях, чьи интервью и портреты публиковались в газетах, кто заполнял Интернет рассказами о своих гениальных творениях?.. Поднимаются или сползают?

Вам это надо: начинать с того, чем обычно заканчивают карьеру?

И еще на эту же тему. Обращение, так сказать, лично к непробивным. У зажатых и непробивных в занятии литературой явное преимущество: им некуда отступать, в то время как пробивной человек, разок попробовав что-то написать, может решить, что трудно, плохо, долго, нудно, – бросит и уйдет пробовать себя в политике, менеджменте, коммивояжерстве, а вот вы будете долбить эту стену... и успех придет!

Причем успех писателя всегда заметнее успеха политика или менеджера, а если думаете иначе, ответьте, какой политик правил Грецией во времена Гомера? А во времена Данте? А в эпоху Вальтера Скотта?

Порядок слов в русском языке

Написал про базовое, и сразу же наперекор себе подумал: а что, если вот так, начиная еще с предисловия или введения, потихоньку вкраплять понемногу и законы правильной расстановки слов? Если у нас блип-учебник, то почему материал должен быть по классической схеме? Интуитивно чувствую, что вот так запомнится лучше. Ну словно идет себе горожанин, любителю солнышком, цветочки рвет, а тут его ба-а-абах палкой по голове: рвать цветы на газоне запрещено!

Итак, начинаем: в русском языке, в котором нет жесткой английской системы закрепления слов в предложении, даже на бумаге сохраняется удивительная свобода интонации. В зависимости от того, куда всобачите слово, меняется смысл. К примеру: «У попа была собака». Все понятно: поп являлся владельцем собаки, а не кошки или другой живности. Если же слова переставить: «У попа собака была», то сразу тоже все понятно. Была, да сплыла. Или «Собака была у попа». Все ясно! А у попадьи – коза или зебра. Как видим, ключевое слово ставится всегда в конце фразы.

Зная это, можно замечать всякие проколы на каждом шагу: к примеру, вон у моей на полочке стоит «Онель», на флаконе пояснение: «Косметическое молочко для снятия макияжа с витамином Е». Тоже все понятно, мол, с витамином Е это молочко макияж снимает, а вот с витамином А уже нет, а с В или С нечего даже пробовать – навеки останется на мордашке :-).

Конечно, в устном разговоре можно поставить ударение на любом слове, подмигнуть или повысить голос, сделать пристойный или непристойный жест, тем самым меняя смысл, но ведь каждому купившему вашу книгу вряд ли сумеете объяснить, где повысить голос?

Поэтому в той фразе, которой я закончил занудное увещание не пиарить себя, хоть и страсть как хочется, правильное будет не «...чем обычно заканчивают карьеру?», а «...чем обычно карьеру заканчивают?». Улавливаете разницу? Нужно, чтобы уловили. Это читатель может не улавливать, но он уловит другое: берет его ваш текст за живое или нет.

*Запоминаем правило, которое вам поможет делать текст ярким и выразительным:
Ключевое слово всегда ставится в конце фразы.*

И еще один важный плюс! Очень важный

Продолжаем о выборе пути писателя. Вы играете один. Без всякой команды. Я с детства не любил футбол, волейбол и баскетбол, хотя меня с моим ростом всегда записывали во все школьные и внешкольные команды: не там прошел, не тому дал пас, команда потеряла очко или же сам предъявляю кому-то претензии, а если никто никому, все равно порой остается какой-то осадок...

А здесь вы сами один на один с препятствием. Никто вам не мешает. Уже точно все пряники будут ваши, как и шишки. Но вы точно будете знать, что эти шишки заслужили вы, а не криворукий партнер, что пасанул мяч мимо. И что исправлять ошибку надо вам, а не Ване Пупкину.

Работа в одиночку ценна еще и тем, что вы можете работать всегда, когда у вас есть время, а не тогда, когда сумеет собраться вся команда. А с этим понятно, чем больше людей – тем труднее собраться и начать работать, помех больше.

Отсюда и обратный вывод: все ваше время – пригодно для работы. Сколько вы из него истратите на писательский труд, а сколько на баб-с, столько и получите в том и другом.

Вывод:

Все ваше время – рабочее.

Когда это началось...

Книга писалась многие годы, ведь начал я ее еще в 60-х, пожелтевшие листочки кочевали со мной с квартиры на квартиру, из коммуналки в коммуналку. Много рождено в виртуальных спорах в Корчме [www://nikitin.wm.ru/](http://www.nikitin.wm.ru/), отсюда некоторая хаотичность, повторы. С другой стороны, такая подача материала свойственна вообще литературе: повторюсь – это не математика, где, пока не усвоишь простейшие правила арифметики, нельзя переходить к алгебре.

Почему еще с 60-х? Я тогда публиковался много, бурно, во множестве журналов и альманахов, в месяц по пять-шесть публикаций, и товарищи меня постоянно спрашивали: Юра, как это получается, у меня два высших, кандидатскую пишу, но мои рассказы не берут, а у тебя семь классов, но твои рассказы на улет? И я начал объяснять, что нужно делать то-то и то-то, писать так-то и так-то, а здесь вот обязательно вот это, иначе будет провал, а вот такое правило – обязательно тоже, без него – хоть умри, в печать не возьмут...

Некоторые повторы возникают в процессе разбора полетов, когда проблема поворачивается с другой стороны, тогда же находятся и новые аргументы. С другой стороны, это позволяет более выпукло освещать важную для понимания проблему, а данные азы творчества усвоить надежнее.

Да, собственно, так и строится любой учебник: новый материал, затем – материал для повторения. Так что все-таки классика...

Сегодняшний мир книгоиздания...

...в котором вам придется жить. Прилавки завалены сотнями руководств, от тонких брошюр до толстенных томов в цветных глянцевах переплетах высокой печати, по тому, как устраиваться в жизни, как уживаться с людьми, как понравиться руководству, как завоевать внимание, как влезть в доверие, как начинать потихоньку самому руководить людьми, используя их слабости...

Хватает и руководств, как «пробивать» рукописи в печать. Но практически нет книг, где бы объяснялось, как довести ее до состояния, чтобы ее все-таки взяли. Я специально интересовался этим вопросом, но, кроме книги Николая Басова «Творческое саморазвитие», ничего не увидел.

То есть снова нас учат тому же, на чем было построено литературное дело при коммунистическом режиме: устраиваться, понравиться редактору, суметь пролезть, примкнуть к какой-нибудь группе, мол, коллективом пробиваться легче, как торговаться насчет гонорара, как проследить, чтобы не обманули при начислении аванса и прочее, и всякое, и подобная нелитературная хренотень.

Но вы же сами должны понимать, что в любом издательстве автоматически выставляются барьеры против попыток пропихнуть им слабые книги. И чем лучше будут написаны руководства о том, как пролезть в печать и напечатать свою лабуду, тем выше издательство поставит барьер против лабуды. Кстати, если вы вдруг не знаете, то книги о том, как обхитрить издательство, падают не с Марса, их печатают сами издательства, так что вот щас они вам дадут в руки оружие супротив себя!

Так как же все-таки стать писателем? С другими профессиями примерно понятно: чтобы стать музыкантом – надо иметь хороший слух, спортсменом – хорошую генокарту и плюс изнурительные тренировки, ученым – много думать и ставить опыты, художником – уметь рисовать...

Труднее сказать, что нужно, дабы стать писателем. Хотя художник и писатель – ветки одного корня и любой писатель умеет рисовать, но аналогия с художником не пройдет: все уверены, уж что-что, а писать умеют! Читать же умеют? И письма, бывало, пишут. Из чата так и вовсе не вылезают.

Да и все писатели, как известно, бывшие инженеры, грузчики, врачи... Перечислять можно до бесконечности, будут перечислены все профессии на свете, кроме одной, литературной. То есть никто писателем не родился, каждый успел поменять не одну профессию.

И в то же время нелепость, что писательству научиться нельзя, а писателем надо родиться, – крайне живуча. И всякого, кто говорит, что трудом и учебой можно стать великим писателем, – заплевывают, а демагога с кличем: «писательство от Бога» – слушают с восторгом. Горестный вопрос: почему?

Увы, ответ далек от литературы вообще, а кроется в нашей психике. Ну кому нравится серая истина, что ученье и труд – все перетрут? И что учебой и трудом можно достичь всего?.. Нет, нам до свинячьего писка жаждетсЯ именно халявы, и мы готовы с горящими глазами слушать всякого идиота или хитреца, кто скажет, что халява есть, существует, в лотереи выигрывают миллиарды долларов, миллионеры женятся на проститутках, можно жить дураком, а потом говорящая шука выполнит все желания и что есть особо одаренные (раньше Богом, а теперь – генетикой) люди, которые могут сразу написать шедевр и получить за него славу, деньги, баб-с, золотые памятники, все награды, премии, оваии, виллы... Конечно же, каждый примеряет это не к соседу, тот бездарь, понятно, а к себе, талантливому, чей талант пока просто не проснулся...

Вывод:

Бог, может быть, и есть, но чудес уж точно не бывает. И никто еще не родился писателем. Вы – тоже.

Но стать им можете.

Горькая истина... Работать, увы, надо!

...хоть и привычная, что абсолютное большинство человечества, к которому принадлежим почему-то и мы с вами, постоянно брешет, как поповы собаки. Или, скажем мягче, врет. Или совсем уж деликатно: живет с неверным мировоззрением. Вы прекрасно помните, что героями во дворе и в школе становились те, кто убегал с уроков, а не отличники, кто напивается, как свинья, а не трезвенники, мы считаем делом чести отлынивать от работы, мы хвастаемся, как вчера надрались и как долго блевали, на конвентах и прочих сборищах делегаты (и писатели, ессно) соревнуются, кто перепьет остальных.

Попробуйте занять денег у коллег на мед в сотах – никто не даст, а если на бутылку водки – предложат со всех сторон. В России пьянство стало всеобщей обязанностью, и кто не пьет, тот вроде бы предатель, не наш человек, не стоит такого принимать в компании, звать в гости, и вообще он говно, подозрительный какой-то, все книжки читает, гад, хочет умнее всех быть, надо ему стекла побить, собаку его отравить, шины проколоть...

Понятно же, что это распространяется и на такую область человеческой деятельности, как писательство. Никто не скажет вам, что надо учиться писать, надо совершенствоваться, а всякий соврет, что это приходит само собой, то ли во сне, то ли от Бога, то ли прекрасная муза явилась после травки и напела стих или роман. Причем сами эти гуси вкалывают, как папы Карлы, но на людях прикидываются гуляками праздными.

Только Есенин однажды проговорился честно, когда его спросили, когда же он пишет стихи. Он ответил: всегда. И не катят ссылки на великих, которые говорили про то, как враз сели и написали эпохальную вещь. Литературоведы могут рассказать про Алексея Толстого, который частенько, придя в ЦДЛ, говорил небрежненько коллегам: вот вчера снизошло на меня, повестушку накатал за ночь. До утра писал. Только-только закончил. Хотите взглянуть?.. Те смотрят, видят: вещь совершенна. И язык, и образы, и характеры, и все, что причитается большой прозе. Ну, Толстой, ну гений!..

Да, конечно, гений, но только немногие знали, что эту повесть он накатал не за ночь, а корячился над нею два месяца. И переписывал семь раз. И подолгу правил, выгранивал язык, шлифовал образы. Но... стыдился он почему-то признаваться, что работает как каторжный! Ну хотелось ему выглядеть эдаким Моцартом, да не настоящим, тот вкалывал, как раб галерный, а именно гулякой праздным, каким изобразил его Пушкин. Увы, Пушкин лишь воплотил в этом образе мечту любого писателя: чтобы не вкалывать каторжно, а чтобы само приходило готовое, без черновиков, правок, переделок...

Почему такое противодействие моим словам, что писать можно научиться? Тем более странное, что оно одинаково мощно звучит и от профессионалов, давно завоевавших место под литературным солнцем, и от новичков, только мечтающих начать писать?

Давайте посмотрим сперва с позиции профи, она понятнее. Всякий, успев забраться в троллейбус, оборачивается и кричит: «Троллейбус не резиновый, не лезьте больше!» Собственно, клей я сегодня ласты, огорчатся разве что читающие, а среди профи будет праздник: это же освободится высокое место в рейтинге, все сразу приподнимутся на ступеньку, освободится масса бумаги, а читающие раньше Никитина воленс-неволенс купят, мол, мою книжку, которую раньше не замечали... Так что чем меньше влезет в наш литературный троллейбус, тем вольготнее будет в салоне. Меньше конкуренции. Читателю некуда будет деваться, как только покупать наши книги!

Начинающие же смотрят на литературное ремесло пока не как на ремесло, а как на халяву. Везде скучно и нудно говорят, что надо долго и упорно учиться, потом долго и упорно работать, чтобы медленно, очень медленно всползть со ступеньки на ступеньку вверх, а в литературе – раз-два, и в дамки! Сразу бешеные гонорары, слава, голые девки, нобелевки, счет

в швейцарском банке, собственные виллы во всех частях света, чтобы именоваться гордым словом «бомж», то есть без определенного места жительства:-).

И к тому же этот дар доступен только вам, уникальному! Именно дар, халява, а не что-то заработанное потом и бессонными ночами, как у других, простых, бесталанных, обыкновенных, к коим вы, ессно, не относитесь никаким боком, краем или фиброй.

И как тут воспринять мои гадкие слова, что как ушат холодной воды, что как большой грязной палкой по голове? Конечно же, это естественная реакция на действия гада, что разбивает хрупкую мечту, даже грезу, о том, как за ни фига враз стать умным, красивым, богатым и знаменитым. Вы сидите себе терпеливо и высматриваете говорящую щуку или золотую рыбку, на худой конец все же трете медную лампу, и тут является хамло, что трезво так это говорит, что нет говорящих щук, золотых рыб-с, а медная лампа и есть только допотопная лампа и ни фига больше!

Увы, чуда хочется почти всем. И если человек скрепя сердце все-таки соглашается (слишком много об этом писали и говорили!), что нет снежного человека, телепатии и Бермудского треугольника, но он взбунтуется и не поверит, когда кто-то пытается рушить мечту о литературном даре, особом, таинственном и непознанном!

Нельзя жить вдохновением. Пегас чаще идет шагом, чем скачет.

Мораль:

Троллейбус – не резиновый, но в литературе для вас достаточно мест. Однако без труда...

Отступление по технике языка

Вообще-то и это правило, если следовать классическим правилам педагогики, стоило бы забросить подальше, к концу всего цикла лекций. Туда, где речь пойдет о доводке текста. Но если в год по чайной ложке, то кому-то надоеет только базовое да базовое. Кто-то уже крут: если сейчас не поправит свое замечательное, то завтра с утра понесет в издательство. Так что для него надо хоть по капле, но давать то элементарное, что можно усваивать попутно с базовым.

Запишите для себя вот такое правило, выделите его красным, а если вы дальтоник, то просто крупными буквами и повесьте где-нибудь на самом видном месте. Чтобы всякий раз, пока пишете, взгляд натыкался на эту колючую проволоку.

И так до тех пор, пока это не войдет в плоть и кровь. Но и потом не снимайте, все мы о нем забываем, приходится снова и снова напоминать, да не другим придуркам, а себе, талантливому и любимому.

Правило: не вешать на каждое дерево табличку с надписью «Дерево». Более того, раз уж повесили, то снять. То есть вычеркнуть длинное и занудное объяснение, без которого и так все понятно. Все эти объяснения, которые так часто, к сожалению, встречаются, попросту раздражают. Никто не любит, когда его принимают за идиота. Но главное, это вредит самой ткани произведения, снижает динамику.

Без шуток, это напоминание насчет дерева стоит вообще повесить перед глазами, чтобы время от времени натыкаться, спохватываться, отыскивать в своем замечательном произведении эти таблички – а они обязательно будут, каждый их вешает, но не каждый снимает! – и снимать, снимать, снимать...

Это очень важное правило. К тому же очень простое в исполнении. Никто, ни один писатель не в состоянии писать сразу четко и ясно, уж поверьте, я общался с очень многими. Всяк пишет с массой сорняков, но уровень писателя во многом определяется как раз тем, сколько сорняков он убирает из написанного, а сколько оставляет.

Сейчас в книжных магазинах свободный доступ к полкам, а это значит, что никто не покупает, как прежде, когда были отделены прилавком: «Девушка! Мне вон ту и вон ту, что левее...», а девушка сперва с натянутой улыбкой подает книгу, потом начинает пыхтеть и люто вас ненавидеть – ходят тут всякие – за то, что просите еще и соседнюю, долго листаете и, наконец, благодарите, если смелый, возвращаете, а если нет – оплачиваете и не очень-то довольный идете домой. Сейчас каждый раскрывает книгу и долго всматривается в текст. Зацепит текст – куплю, не зацепит – поставлю на полку взад, и пусть ждет своего покупателя.

Так вот, зацепит или не зацепит, во многом определяется количеством этих жутко раздражающих табличек на деревьях.

Вывод:

Не вешать на каждое дерево табличку с надписью «Дерево».

Чего ждет каждый автор, так сказать, по дядюшке Фрейду...

...но в чем никогда не признается? Увы, автор подсознательно жаждет, чтобы авторов было поменьше, вообще чтобы он был единственный на весь мир и потому чтобы в любом случае читали только его, Замечательного:-) И болезненно реагирует на появление новых, даже если на людях улыбается и поздравляет их с новыми победами, увы, так принято.

Только один из знакомых писателей сказал откровенно: Юра, а на фиг ты выдаешь им наши секреты? Мы горбом их постигали, каждый в одиночку изобретал, сколько шишек набили!.. Сколько ошибок, разочарований, потерь, тупиковых путей! А ты все отдаешь готовенькое... Пусть и они, гады, погорбятся.

Но большинство, лицемеря даже перед своими, упорно говорили, что писательству научиться нельзя, что это от Б-га, должна посетить муза или хотя бы пегий конь с крыльями и что если будет вдохновение, то и пьяный грузчик напишет новую «Войну и мир», а не будет, то и свое имя не нацарапаешь.

Не стоит у классиков, политиков и великих деятелей прошлого выискивать подходящие для подкрепления своих позиций хлесткие фразы. Оно, конечно, звучит, но классики тоже не всегда бывали классиками, однако даже в ранге классиков иной раз брякали нечто либо в полемическом задоре, либо в порядке провокации, а потомки хватают по принципу: «сам Такой-то сказал!» – и глотают, как утки, не пережевывая и не понимая вкуса. К таким вот падеврам относится и сентенция: «Если можешь не писать – не пиши!», принадлежит тому самому человеку, который в споре с Сеченовым как-то брякнул: «А раз человечество такое подлое, давайте уничтожим его к черту, пусть все снова с обезьян или рыб!»

Фразы фразами, но, по воспоминаниям современников, сам граф очень мог не писать, но превозмогал лень, дурное настроение, сплин, отсутствие музыки и просто нежелание работать и каждое утро садился к письменному столу. И – работал, как ремесленник, то есть переписывал по двадцать раз один и тот же текст, улучшая его ремесленнически, в то время как мы все знаем: начинающие гении и по второму разу не правят свои тексты, ведь это уже не творчество! Это даже – ах-ах! – убивает творчество, как вы понимаете:-).

Вывод:

Вы, конечно же, лучшие какого-то там Льва Толстого, но все-таки не рискуйте истратить жизнь в ожидании музыки, что сделает за вас все сама.

Работайте!

Необходимость массовости профессии

Раньше и народ в массе был неграмотен, и профессия писателя была окружена ореолом таинственности избранника богов, к которому стелется не то конь с крыльями, не то девки опять же с крыльями. Сейчас же масса народа пробует себя на литературной стезе так же просто, как в бизнесе или профессии инженера, электрика, сборщика компьютеров.

А мы уже догадываемся, что в Бразилии нет шансов создать хорошую хоккейную команду, а вот в Канаде – есть. И не потому, что в Бразилии не играют в хоккей, – играют! Но в Канаде играют все, а вот в Бразилии игроков... столько же, сколько в России было писателей в эпоху Бунина. Кстати, победы нашего хоккея относятся к эпохе, когда у нас играли все, во всех дворах. Но пришла новая эпоха, люди получили доступ к массе других профессий, ранее недоступных, и молодые сильные ребята, что раньше шли в хоккей, пошли в бизнес, рэкет, челноки, охранные агентства...

В литературе как раз наоборот. Сейчас, когда «можно писать все» и когда можно получать не урезанные советским чиновником гонорары, в нее хлынула масса людей, которые раньше искали бы другое применение своим возможностям. А это как раз ситуация с хоккеем в Канаде.

Искусство – как поиски алмазов, сказал некогда Солоухин... Ищут сто человек, находит один. Но этот один никогда не нашел бы алмаза, если бы рядом не искало сто человек.

Не презирайте тех, кто в отличие от вас просто решил лучше устроиться в жизни и пишет «коммерческие» книги. Помните, чемпионами канадцы становятся потому, что вся Канада играет в хоккей, как бразильцы – в футбол. Больше пишущих – выше уровень наших чемпионов. Выше наш общий уровень.

А давайте прямо и честно...

...слово «талант» заменим словом «халява»? Прямо и честно потому, что в данном контексте талант для этих людей означает именно халяву. То есть не учиться, не трудиться, а открыл рот – и сразу запел арию Торквемады. Или сел за рояль – и сбацал симфонию. Подошел к клавише – и одним пальцем запросто отстучал роман, за который сразу получил все нобелевки, золотые статуи в рост оригинала, баб-с, аплодисменты.

По щучьему веленью, если прямо, а если возвышенно, то – талант, братцы, талант!

Правда, эти люди все же не торопятся просаживать деньги в лотерею, но вот в создание романа без всякого труда почему-то верят.

Если вы все еще верите в возможность выехать на голом «таланте», без долгого и неприятного порой процесса обучения, то бросайте читать дальше, ищите медную лампу, караульте у проруби говорящую щуку или золотую рыбку.

Иное время, иные песни...

Заранее придется принять аксиому, что никогда уже ваши произведения не будут столь значимы, как были бы еще в середине прошлого века. О Пушкине уже говорил и скажу ниже, но даже на моей памяти – оглушительно громкие и блистательные имена советских писателей, огромные многотысячные толпы восторженного люда, что собирались на площадях послушать поэтов, разовые тиражи по пять-десять миллионов экземпляров...

Все это ушло и больше не повторится. Ушла поддержка тоталитарной властью, когда большинство авторов выпалывалось, а одиночек превозносили: официальных – открыто, а так называемых диссидентствующих – тайно. К тому же раньше человеку некуда было податься, кроме как в спорт и в книжество. Да, одни писали, другие читали, теперь же в обществе гораздо больше возможностей реализовать себя в том же предпринимательстве, которого раньше не существовало. Плюс – появились телевидение, видеомагнитофоны, компьютеры, Интернет, видеоклипы, компьютерная графика... Если раньше кинокамера была диковинкой, а на пишущую машинку надо было брать разрешение из милиции, то теперь каждый в состоянии приобрести телекамеру, даже цифровую, попробовать себя в качестве... уже в другом качестве!

В то же время, подчеркиваю для тех, кто загрустил, возросли и возможности пишущего автора. Он может сразу разместить свою вещь хотя бы в Интернете, а раньше надо было ждать несколько лет, пока прочтут и поставят в план на публикацию, а еще не меньше трех лет на прохождение рукописи по всем этапам. Резко возросли гонорары. И хотя их еще недостаточно, чтобы каждую неделю на шаттле туристические полеты вокруг Земли, но все же авторы покупают роскошные квартиры или дома, дорогие машины и живут в достатке, не отвлекаясь на проблемы, чем накормить детей, а спокойно занимаются творчеством.

Это я к тому, что, когда вам будут указывать на Гомера, Пушкина или даже на ныне здравствующих гигантов прошлого века, но сейчас стыдливо умолкнувших в тряпочку, принимайте спокойно эту... критику. Умных мало, а поговорить каждому хочется, к тому же каждый дурак почему-то считает себя очень умным и охотно берется учить других... Тут въедливый ехидно кивнет в мою сторону, но скажу, что я не ссылаюсь на Пушкина и не разбираю его знаменитую онегинскую строфу, а рассказываю на своем примере и примерах авторов, что пишут сейчас, и подсказываю, как выжить пишущему в условиях массовой культуры и Интернета. Как выжить, не роняя себя, не приспособливаясь, оставаясь оригинальным, не поддаваясь масскультуре, а, напротив, если понадобится для литературных целей, то и подминая ее под себя, заставляя служить себе.

Вообще советую никогда не спорить с критиками, ибо автор в заведомо проигрышной позиции. Еще до начала спора. Козе понятно, что критиковать проще, чем что-то творить, создавать, изобретать, строить. У критика, ессно, поддержка и энтузиазм миллионов, ибо каждому приятно, что еще одного взлетевшего или пытающегося взлететь опустили. В смысле на землю опустили, что не совсем земля, а ею станет, когда высохнет и потеряет запах.

Так что просто творите, сцелив зубы. Из ругателей только двое критиков вошли в историю, да и то не за ругань, а за переход к более активным действиям: один спалил храм, который критиковал, а другой, по имени Зоил, после многих лет придирок не утерпел и набил морду поэту, не посмотрев, что тот слепой и не может дать сдачи.

Автор сейчас может сразу разместить свою вещь хотя бы в Интернете, а раньше надо было ждать несколько лет, пока прочтут и поставят в план на публикацию, а еще не меньше трех лет на прохождение рукописи по всем этапам. Резко возросли гонорары.

Вы – создатели виртуальных реальностей!

Сейчас очень модно говорить к месту и не к месту о виртуальной реальности, при этом всегда имеется в виду нечто навороченное, с массой сложных приборов, человек находится чуть ли не внутри суперкомпьютера, весь опутан проводами, почему-то именуемыми чипами, видимо, для эффектности, проводов масса, хотя я уже сейчас пользуюсь беспроводной клавишей и бесхвостым грызуном, словом, почему-то все мы, давно живя в виртуальном мире, все еще имеем его на других планетах.

Книга – тот же виртуальный мир, мы погружаемся туда, прекрасно понимая, что на самом деле рыцари короля Артура были грязными оборванными дикарями, а не нашампуненными красавцами в полных рыцарских доспехах XVI века, в костюмах от лучших дизайнеров, с идеально ровными и белыми зубами, разговаривающими так, как нужно писателю, то есть вам, а вовсе не «по правде», как требует дурачок... не стану называть его имя, вы сами его знаете, у каждого из вас есть такой прилипчивый придурок.

Повторяю, читателю совсем не важно, как было «на самом деле», он охотно включается в созданный вами виртуальный мир, принимает все правила игры, не обращает внимания на анахронизмы, ведь это игра, социокультурная игра, а натурализмом он и в реальной жизни обожрался, он ему осточертел, достал, он охотно принимает ваш придуманный мир!.. Читатель жадно воспринимает действие, следит за оживленным диалогом, сопереживает, хотя и понимает наигранность некоторых сцен, ненатуральность поведения: «в жизни так не бывает!» – однако он не хочет, чтобы вы изображали так, «как в жизни», он требует, чтобы вы создали для него интересный виртуальный мир!

Создавайте миры... интересные. Захватывающие. В которых интересно жить. В которых вы станете лучшие. Все остальные требования – мусор.

«Ну сколько, сколько же все-таки книг писать?»

Интересный вопрос: сколько книг писать? То, что популярный у нас писатель-фантаст Айзек Азимов написал уйму книг, воспринимается у нас и у «них» одинаково одобрительно. Помню, у нас хотели даже отметить выход двухсотой книги этого мастера. Готовились, сообщали об этом в «Литературке».

Однако у него одновременно, в течение недели, вышли сразу три новые книги. Так что не удалось определить, какая из них двухсотая, какая двести первая, а какая двести вторая. Понятно, что на том он не остановился, писал еще много лет весьма плодотворно, но никто «там» его книги не считал, а здесь хоть и хотели бы, но не успевали. Совсем другой разговор, когда речь об отечественном авторе. Здесь писатель, у которого количество изданных книг подходит к десятку, уже под подозрением: а не халтуру ли гонит? Почему так много? Одна, две, ну пусть три... ну даже четыре, но – десять? Нет, это явная халтура. Раз много, значит – не умеет писать. Хотя почему не наоборот – непонятно.

Более того, после двадцатой моей книги меня на полном серьезе начали спрашивать: сколько человек пишет под ником «Юрий Никитин»? Сейчас у меня вышло больше тридцати, так что, понятно, уже нет сомнений: это коллектив! Американец – может, француз... Сименона называли автором тысячи романов – может, любимый мной в свое время английский детективщик Джон Кризи написал пятьсот романов, но ленивый и косорукий русский – да ни в жисть!

Я чувствую, что пока что моих слов вы не разделяете. Пока что не зацепило. Для вас и одна книга – непосильный труд, почти подвиг, а уж тридцать... Нет, не зацепило.

Сказываются издержки еще той, советской системы. Была такая разнарядка: одна книга – в три года. Да и то лишь для членов Союза писателей СССР. Для начинающих так и вовсе публикация – всегда чудо, но, как в любой феодальной системе, а в Советском Союзе был ярко выраженный феодальный строй, существовала табель о рангах: дворянину позволено больше, чем простолюдину, мелкому феодалу – больше, чем простому дону, крупному – еще больше, и так далее. То есть лауреату Государственной премии можно издаваться каждый год, а лауреату Ленинской премии – любое количество в год плюс собрание сочинений, а также в «Роман-газете» с ее тиражом в десятки миллионов экземпляров...

Понятно, что писатели-фантасты или детективщики никогда лауреатами не были. Да и не могли быть «по рангу», то есть рылом не вышли, чтобы равняться с благородным сословием авторов, пишущих о буднях строителей коммунизма, о рабочем классе, о колхозниках или счастливой службе в рядах Советской армии. Так что у нас, вроде бы перешедших на рельсы рыночной экономики, мораль осталась все же совковая – вон Шолохов написал всего три книги? Вот и ты больше не пиши!

Помните, вы живете уже в другом мире! Вообще двадцать первый век диктует и другие скорости. Понятно же, не в сторону замедления. Так что не оглядывайтесь на классиков. Они бы сейчас работали, еще как работали!

Почему говорю правду именно я, а остальные брешут?

Да, большинство из вас мечтает, что вот напишет как-нибудь рассказ, а наутро проснется знаменитым: рассказ, как волна цунами, пошел везде миллионными тиражами, враз переведен на все языки мира, получил высшие премии с солидными денежными довесками, за вами гоняются папарацци и тележурналисты с просьбой дать интервью для «Плейбоя», «Нью-Йорк таймс» и «Лучшие люди планеты».

Конечно, теоретически есть и такой шанс, чего отрицать, но такого удачливого пока что не видел и не предполагаю, что при моей или даже при вашей жизни это случится. Так что лучше настройтесь, как это ни грустно, на долгий и упорный труд. Тем, кто его выдержит, можно ну почти что гарантировать, что будут и большие тиражи, и большие деньги, даже очень большие, и признание, и просьбы дать интервью для ведущих изданий планеты.

Сейчас высокие мотивы сразу вызывают подозрение, начинают искать, где же автор брешет, ну не может человек делать что-то без личной выгоды, ведь уже доказали псевдоисторики, что Александр Матросов просто поскользнулся на льду, пьяный Гастелло заснул за штурвалом, крестовые походы были ради грабежа, Ромео и Джульетта просто придурки и что вообще никогда и нигде не было бескорыстия, а только брехня, грабеж и фрейдизм.

Так что признаюсь сразу, чтобы освободить всех от долгой работы по выискиванию подспудных мотивов написания этой книги: я уже заканчиваю свою литературную карьеру, мне эта книга уже не повредит, а остальные мне по фигу. Пусть пишущих будет много. Намного больше, чем сейчас. Да, конкуренция станет жестче. Но выиграет читатель, а я уже на пенсии, перехожу в стаз читателей:-)).

Эта циничная позиция, надеюсь, будет понята, все мы такие, живем по общечеловеческим рыночным ценностям фрейдизма, так что сразу перейдем к делу.

Настройтесь, как это ни грустно, на долгий и упорный труд. Тем, кто его выдержит, можно ну почти что гарантировать, что будут и большие тиражи, и большие деньги, даже очень большие, и признание, и просьбы дать интервью для ведущих изданий планеты.

Собака лает, но караван должен идти

Вчерашний день, что тормозит прогресс во всех его проявлениях, будет тормозить и вас. В первую очередь – насмешками и высокопарными рассуждениями о невозможности научиться тому, что дается свыше, от Б-га, от природы и т.д., т.е. на халяву.

Помню, я застал еще Ивана Поддубного, неоднократного чемпиона мира по классической борьбе. В его биографии мне запомнился один интересный момент: когда ему было за шестьдесят, он поехал на чемпионат в США, а там при заполнении анкеты произошел конфуз. Когда он назвал возраст, все были в шоке, ибо по их законам человеку, которому миновало тридцать пять, нужно приносить отдельную справку, что, мол, врачи не возражают против его участия в соревнованиях. Но все же Поддубного допустили к участию, он с блеском выиграл, вернулся очередным чемпионом, а вообще-то боролся вплоть до восьмидесяти лет, а прожил за девяносто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.